

Несмотря на помощь травы Яолан Фуцзинь, прогресс Чу Даньфэна был стремительным, однако, как и перед прошлым формированием золотого ядра, он снова уперся в «бутылочное горлышко». Но на этот раз, когда рядом не было системы, чтобы подгонять его, наружу вылезла истинная натура Чу Даньфэна — натура ленивца. Попробовав несколько раз пробить барьер и потерпев неудачу, он решил просто устроить себе выходной.

Персиковая роща на пике Лисюй — удивительное место. Та часть, что ближе к пруду с огненными лотосами, под воздействием обильной духовной энергии цветет круглый год, а те деревья, что растут дальше, подчиняются смене сезонов, расцветая и плодонося по естественному циклу.

Чу Даньфэн, не имея ни малейшего желания заниматься культивацией, пришел сюда бездельничать.

— Маленький старший брат? — раздался голос Хуа Тинсюаня.

Чу Даньфэн слегка кашлянул:

— Разумеется, у меня есть важные дела. Ты еще ребенок, не лезь во взрослые вопросы.

Малыш поднял голову, и в его черных глазах читалась серьезность, граничащая со строгостью:

— Старшему брату скоро формировать золотое ядро, нельзя так бездельничать. Даже Сюань-эр знает, что через полмесяца откроется пик Ваньцзянь...

Пик Ваньцзянь — священное место секты Шуанцзи. В обычное время он скрыт мощным барьером, и когда его открывают, войти туда могут только внутренние ученики и те внешние, что прошли испытание, чтобы обрести свой собственный меч.

Говорят, у каждого меча есть предназначенный ему хозяин, и он не позволит вытащить себя из камня, пока не дожидается того самого человека. В конечном счете, всё сводится к понятию судьбы. Но есть и другие мнения: мир совершенствующихся живет законом силы, и только тот, кто способен подчинить меч, сможет его вытащить. Иначе почему мечи легче даются тем ученикам, чья база культивации глубже, а талант выше?

Хуа Тинсюань продолжал:

— Вторая старшая сестра говорила, что пик Ваньцзянь открывается лишь раз в десять лет. Хотя внутренние ученики имеют право войти, шанс успешно вытащить меч появляется только у тех, кто достиг стадии золотого ядра...

— ... — получив наставление от малыша, Чу Даньфэн вспыхнул от стыда и гнева. Насупившись, он отрезал: — Ну и что, что раз в десять лет? Кто установил правило, что меч обязательно нужно вытащить? Если посмотреть на всю секту Шуанцзи, мало кто по-настоящему преуспел. Возьмем наш пик Лисюй: из семерых братьев и сестер меч смогли вытащить только старший

брат и вторая сестра.

— Но... — начал было Хуа Тинсюань.

— Никаких но, — Чу Даньфэн заложил руки за спину и, глядя в пустоту, на море облаков за обрывом, принял загадочный вид. — Сюань-эр, ты еще мал и многого не понимаешь. Какая разница, насколько высока база культивации или насколько хорош меч? Старший брат откроет тебе секрет: в жизни главное — это вкусно поесть и сладко попить. Нужно ценить настоящий момент, вот что важнее всего!

Чу Даньфэн похлопал малыша по голове, ощущая, что его слова были исполнены глубокой мудрости, и он успешно сохранил подобающий старшему брату величественный образ. Одним словом — невозмутимость!

Никаких «не культивирую, потому что хочу полениться» — этого просто не существует!

Чу Даньфэн остался доволен собой. Помахивая веером и заложив руки за спину, он грациозно зашагал вглубь рощи, оставив Хуа Тинсюаня позади. Мальчик смотрел ему вслед, и его брови сходились всё ближе.

Что-то было не так. Совершенно не так.

Старший брат всегда придавал огромное значение совершенствованию. Если раньше его апатию еще можно было объяснить отчаянием из-за разрушенного золотого ядра, то сейчас, когда появилась надежда, почему он ведет себя так беспечно? Его слова на первый взгляд казались просветленными, но если вдуматься, на душе становилось тревожно. Что же должно было произойти, чтобы человек так сильно изменился?

Чу Даньфэн, не подозревая о терзаниях младшего брата, с удовольствием набрал целую гору персиков и сложил их в бездонную сумку. После выполнения недавнего задания секты он сменил старую сумку на высокоуровневую: она не только вмещала в себя гораздо больше, но и обладала собственным пространством, так что теперь не приходилось вытряхивать все вещи, чтобы найти одну мелочь.

Что еще важнее, сумка поддерживала свежесть продуктов, останавливая время внутри. Персики, которые выглядели сочными и спелыми при закладке, оставались такими же даже спустя долгое время. Набрать их побольше в сезон, чтобы лакомиться даже зимой — одна мысль об этом согревала душу.

Чу Даньфэн решил, что именно так и выглядит его мечта о жизни на пенсии. Система не обманула!

Единственным недостатком был чрезмерно настойчивый Хуа Тинсюань. Малыш неотступно

следовал за ним по пятам и без устали напоминал, что сегодня тот самый день, когда нужно принимать траву Яолан Фуцзинь.

Чу Даньфэн, срывая персики и краем глаза поглядывая на младшую сестренку, чтобы та не убежала, пытался отмахнуться от братишки:

— В последнее время нет никакого прогресса, давай сделаем перерыв. К тому же, каждый прием вызывает галлюцинации. Не повредит ли это моему Дао, если злоупотреблять?

Ему казалось, что он просто не готов к таким мощным снадобьям — мол, его способности еще не достигли того уровня, чтобы усваивать подобные сокровища. Поначалу ему всегда снился взрослый Хуа Тинсюань... совершающий над ним непотребства. А теперь, когда он достиг предела, сны изменились и стали еще более... извращенными.

Это было одной из главных причин, почему Чу Даньфэн избегал приема травы.

Хуа Тинсюань возразил:

— Это всего лишь сны. Мне вот однажды приснилось, что маленький старший брат носит платье.

Чу Даньфэн дернул глазом:

— Вот видишь! Эта штука мутит разум. Ты только посмотри, какой бред тебе снится! И ты еще говоришь, что это не влияет на Дао?

Но малыш стоял на своем. Подняв личико, он уверенно ответил:

— Учитель говорит, это называется скрывать болезнь и бояться лечиться! Если старший брат не будет слушаться, я пойду и расскажу Учителю!

...Черт возьми, он еще и жаловаться научился!

— Да ты смеешь! — Чу Даньфэн замахнулся веером, собираясь проучить его, но мальчишка, несмотря на короткие ноги, был невероятно прытким. В мгновение ока он скрылся в роще, оставив лишь дерзкий детский голосок: — Попробуй, догони!

...Ну и вредный ребенок.

Когда Чу Даньфэн привел обоих малышей обратно в бамбуковую хижину, их уже ждала вторая старшая сестра.

Е Байлу рассмеялась:

— Шу-эр действительно побежала к тебе. Ой, почему вы так испачкались?

Чу Даньфэн в подробностях рассказал сестре о том, как дети бегали у обрыва. Он не собирался их выгораживать: дети должны усвоить урок на своем опыте, чтобы помнить об опасности.

Е Байлу нахмурилась и отчитала обоих, а затем с жалостью добавила:

— И маленькое платьице испачкали. Этот комплект ведь... Пятый, ты помнишь?

Чу Даньфэн замер:

— !

Услышав тон сестры, он почувствовал недоброе и машинально насторожился:

— Не помню.

— Ой, — сказала Е Байлу, — неудивительно, что не помнишь. Ты тогда был совсем маленьким, лишь немножко старше Шу-эр. В детстве ты был низеньким...

— !!! — Чу Даньфэн начал отчаянно кашлять, но было поздно. Е Байлу продолжила: — Когда тебе было шесть лет, это платьице было тебе как раз!

Чу Даньфэн: «.....»

Хуа Тинсюань вовремя вставил вопрос:

— Вторая старшая сестра, маленький старший брат правда носил платья?

Е Байлу, глядя на Чу Даньфэна, улыбнулась:

— Твой старший брат в детстве в платьях выглядел даже изящнее, чем Шу-эр. Когда мы приводили его в город Хуаян, никто не мог догадаться, что он мальчик.

Чу Даньфэн: «.....» Старшая сестра, большое спасибо за разъяснения.

Он подозревал, что сестра всегда хотела воспитывать девочку, иначе с чего бы ей так упорно наряжать его в девчачьи вещи?

Ли Шу-эр, ничего не понимая, старательно отковыривала кусочки фруктов с подола, а Хуа Тинсюань смотрел на своего старшего брата и улыбался так, что у того дергался глаз.

Смейся, смейся, смейся... если бы я тебя не подобрал, это платьице сейчас было бы на тебе.

Наконец, проводив сестру и младшую сестренку, маленький Хуа Тинсюань заявил:

— Старший брат, давай примем лекарство. Это не повредит Дао, видишь? Это ведь не галлюцинации, ты правда носил платья в детстве.

Чу Даньфэн: «...» Замолчи, пожалуйста, я тебя умоляю.

Но он не смог противостоять угрозе малыша «пожаловаться Учителю» и в итоге согласился.

Честно говоря, младший брат был к нему невероятно предан. Каждый раз для приготовления травы Яолан Фуцзинь ему приходилось колоть палец, и по мере восстановления золотого ядра крови требовалось все больше.

Сердце кровью обливалось, глядя, как ему больно.

Хуа Тинсюань с усилием выдавил каплю крови из пальца в нефритовый кувшин с травой. Как только чистая вода окрасилась в красный, духовная трава засияла, и с неё упал лист. Красный цвет снова сменился прозрачным, а когда лист растворился, вода приобрела нежно-золотистый оттенок.

Зная, что малыш тоже может пострадать от воздействия, Чу Даньфэн сначала уложил его на кровать, а затем залпом выпил золотистую жидкость.

На него навалилась сонливость, и он понял: началось.

Когда он снова пришел в сознание, то увидел две знакомые фигуры. Одна из них была им самим, а вторая — Хуа Тинсюанем в подростковом возрасте. Тот выглядел лет на шестнадцать-семнадцать, уже довольно высокий, и стоял, прислонившись к дверному проему.

Сцена больше не напоминала ту роскошную темную комнату, это была их привычная бамбуковая хижина.

«Он сам» лежал на кровати, сбившись в кучу, его лицо было бледным от боли, а ноги слегка подрагивали. Юный Хуа Тинсюань, скрестив руки на груди, холодно произнес:

— Ты это заслужил.

...Прекрасно. Извращенный сон начался снова, причем сюжет получил новое развитие.

<http://bllate.org/book/20986/2130556>